

ПОЧЕМУ-ТО это кажется похожим на са-
лют. Казалось бы, все сурово и жестко на
черно-белом экране — затопившая север-
ную деревенька, военный развед, спящее
озеро, охота зенитных стволов. И вдруг —
самолет, вспыхивающий, как факел. И ка-
кой-то детский взрыв восторга. Так не кри-
чат на войне, так радостно взвизгивают
мальчишки, когда по самым большим праздникам пода-
рочными букетами расцветает небо новых микрорайо-
нов. Опадают огненные букеты и снова завязываются
радужными лентами, и снова спадают. И снова кричат
мальчишки. Мальчишки, не знавшие войны.

А эти вот погибли. «Пять девчат, пять девочек было
его, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не про-
шли... Лицо каждого убито, лично, даже если началст-
во помилует! А там пусть судят меня! Пусть судят!..»
Так кричит старшина Васков немским разведчикам —
тем, что остались после небывалого боя, в котором уча-
ствовали пять девчат и он, один, мужчина. Против ше-
стнадцати до зубов вооруженных отборных головорезов,
имевших наиважнейшее, секретное задание. Так кон-
чается и фильм, и повесть
под одинаковым названием
«А зори здесь тихие...», при-
думанной когда-то единст-
венно точно писателем Бо-
рисом Васильевым.

Я употребила здесь выше
слово «небывалый». Пожа-
луй, не случайно. Нечасто
оказывается сейчас, чтобы
книга о войне, такая ма-
ленькая, почти рассказ, так
бы внезапно ударила по
сердцу. Уж слишком мно-
го было написано эпическо-
го и скромного, тихого и
громкого, раздумчивого и
остроумно-дерзкого, в са-
мых разных порой взаимо-
исключающих манерах — о
войне. А еще — и это, пожалуй,
самое главное — очень
много мы узнали о войне благодаря обширнейшей доку-
ментальной базе — в литературе и на экране.

И вдруг — повесть Васильева. Я не хочу еще раз
затевать здесь спор о ней — все или почти все сказа-
но, да не в споре, а повести и суть разговора. Но вот
произнесено слово — «небывалый».

Так было или не было? Могло ли быть такое — что-
бы пятеро девчат против шестнадцати зловредных муж-
чинок? Говорят, на войне как на войне. Нам ли, не
знавшим, — судить? Другое дело, что повесть ударила
верой в чудо. В чудо обыкновенного советского челове-
ка. И здесь все принципиально и сжато: чудо и обык-
новенность. Даже более того, обыкновенность, призем-
ленность, антипафосность повествования обрамляют «не-
бывалость».

Как же старить? Экранизировать, инсценировать?

Выше я сказала, что повесть и фильм кончатся одина-
ково, — надо сказать вообще, что новая картина сту-
дии имени М. Горького (режиссер Станислав Ростоцкий)
предельно точно, уважительно, последовательно идет за
повестью. Но финал у них все-таки не совсем одинако-
вый. Дело в том, что и в фильме, и в повести есть не-
кая концовка, связывающая сюжет войны с нашим вре-
менем. И вот здесь-то книга и фильм основательно рас-
ходятся, — прямо надо сказать, не в пользу последне-
го. Борис Васильев кончает свое трагическое повество-
вание коротеньким, простеньким письмом, которое,
как мы догадываемся, послал какой-то паренек-турист,
забредший сегодня в эти северные места, где зори ти-
хие. В этом письме все естественно и неарочито — и
тон («Ты там доходишь на работе», «приехал какой-то
старикан», «цыгань отпусти» и т. д.), и стиль, и столь же
естественно этот жаргонный, современный, стиль пере-
текает в неожиданность удивления и преклонения перед
«стариканом» и мраморной плитой, которую автор
же письма и помог перенести: «Здесь, оказывается, то-
же воевали...».

Все органично, во все веришь.

Не то — в картине. Ее и начинает, и кончает, каза-
лось бы, тот же запер — те же туристы, тот же шум-
ный привал и тот же стиль. Тот — да не тот. Авторы
картины, конечно, хотели как бы приподнять происхо-
дившее на экране, протянуть ниточку к нынешнему
дню. Но в том-то все и дело, что протягивать ниточку
надо, а приподнимать не надо. Само человеческое содер-
жание фильма столь огромно, неповторимо, что любые
натяжки здесь могут только повредить. Записка и финал

картины не просто растянута, они настоящие, а настоя-
чивости быть не должно. Не должно быть акцентов там,
где течет естественная человеческая речь.

Не стоит, правда, преувеличивать здесь неудачи —
современная вставка вставку и остается, она не орга-
нична фильму и свободно выпадает из него. В картине
есть еще воспоминания героини о мирной жизни. Они
есть и в повести. Но стиль этих воспоминаний абсолют-
но того же «цветет», что и всего повествования в целом.
В черно-белом фильме эти новеллы сделаны не просто
в цвете, но в другой тональности — авторам она кажет-
ся поэтической.

Сначала нам так это все понятно — счастливое про-
шлое всегда окрашено для человека в несбыточные то-
на, оно всегда в цвете. Рита Осянина вспоминает исто-
рию своего знакомства с мужем-пограничником. Как в
крошечном эпизоде передан колорит эпохи, ее краски,
дыхание! Незабываемые предвоенные годы. То — и не
то, лицо Риты, комсомолки тридцатых. Восторженные
глаза устремлены на живую скульптуру — боец с соба-
кой. Совсем юное строгое лицо пограничника становит-
ся еще мягче, плавится взгляд. Свидание, свадьба — с

...Недавно я перечитала номер «Юности» за 1969 год,
где напечатана повесть Васильева, и обратила внимание
на иллюстрацию. Нет, они неплохи, но как они ordinaria-
ры по сравнению с фильмом, какими привычными кате-
гориями оперирует художник, рисуя геометрического
Васкова и задорных белокурых девчат!

Какие же они разные и все не похожие на героиню,
даже эта русалка Комелькова, такой ли быть героине
войны? Сдержанно-женственная Рита Осянина, уже по-
знавшая терпкое счастье семьи и материнства в семье
словно на десять лет ставшая взрослее всех остальных
девчат. Крепенькая, крестьянски степенная, явная и
безоглядная в любви и подвиге Лиза Бричкина, Раз-
думчивая, поэтическая и скорбная Соня Гурвич. Тихая,
чуть бестолковая мечтательница, испуганная, неудачли-
вая Гали Четвертак. И наконец Женья — певунья и кра-
савица, любительница тонкого белья и сильных ощу-
щений, яростно живущая и яростно умирающая.

А еще сержант Кирьянов, бывалый солдат в юбке,
командир небывалого женского подразделения, в мно-
гомесячной борьбе с мужнинами неутомимо отстаиваю-
щая каждый пункт особого устава — от сушки дамско-
го белья (в целях демаски-
ровки!) до ритуала неожи-
даемых визитов особ про-
тивоположного пола.

А еще — просто крестьян-
ка, хозяйка дома, где живет
Васков. Сколько в ней осно-
вательности, тепла, уютно-
сти, а вместе с тем — зата-
енной тоски, горечи, пред-
ощущения драмы и извече-
ного женского стремления
защитить, согреть, охра-
нить!

Могут сразу разочаровать
будущего зрителя: в филь-
ме нет ни одного популяр-
ного актера. Во всяком слу-
чае, в главных ролях. Пять
таких ролей, как девчата
из «Зорь», доверены пяти абсолютно неизвестным ак-
трисам. Запомните их имена, они достойны того — Оль-
га Остроумова (Комелькова), Елена Драпека (Брички-
на), Ирина Шепчук (Осянина), Екатерина Маркова
(Четвертак), Ирина Долганова (Гурвич). Присоедините
к ним еще одно, главное — Андрей Мартынов (Васков).
Его работа, уверенная, профессиональная, глубоко че-
ловечная — одна из самых больших удач в картине.

Можно было понять режиссера — С. Ростоцкого, кото-
рый наперекор обычаям не дал, кажется, ни одного ин-
тервью во время съемок. Ведь, помимо повести, суще-
ствовала уже спектакль в Театре на Таганке. Если бы
выделил его, то, безусловно, удивитесь манере фильма:
она подчеркнута, декларативно традиционная, повество-
вательная, реалистическая. Почти бытовая. Режиссер,
оператор Вячеслав Шумский абсолютно доверялись
предложенному им человеческому сюжету, уверовали в
его самоценность и побеждают на этом пути.

Терпеливо, подробно, с массой точных, полных юмора
деталей создают они в фильме особую атмосферу, в
которую зритель погружается полно и доверчиво.

Зритель даже не замечает, как его добрый смех тихо-
тихо смолкает, уступая место размышлению, и как
остро сжимается сердце: ведь мы уже знаем, или пред-
чувствуем — все эти бойкие девчонки, не пройдет и трех
дней, лягут навсегда в холодную землю, прикроются
хвойными лапами, и все для них будут зажиточны на
небе тихие зори...

Поразительно, как нигде — особенно же во второй,
трагической, серии фильма — ни режиссер, ни оператор,
ни актеры не поддаются искушению надавить, нажать,
погреть на нервах зрителя. Нигде и ни в чем: Даже в
сценах смерти. Оператор Вячеслав Шумский снимает
смерть спокойно и чисто — без крови и крика, и лица
героинь в небытии просветлены, словно задумчивы. А
фигуры врагов, таинственных и страшных, потому что
их шестнадцать против шести, — эти фигуры не страш-
ны и не таинственны, они прозябают, будничны. Просто
они никак не вписываются в эту мохнатую, волшебную
природу — с их смертоносным железом, с их геометри-
ей, с их чуждой речью. Они пришельцы. Пришельцы
другого, механического, стального, вверенного, без-
душного мира.

...Да, здесь, оказывается, тоже воевали. И нет на на-
шей земле края, не тронутого огнем и смертью и вечной
скорбью об ушедших. И потому — ставшая память
юным, вся жизнь которых стала войной.

К И Н О

ЗДЕСЬ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ТО ЖЕ ВОЕВАЛИ

Валентина ИВАНОВА

Кадр из фильма «А зори здесь тихие...». Федот Васков — А. МАРТЫНОВ, Рита Осянина — И. ШЕПЧУК.

единственной скромной бутылкой шампанского, корот-
кое счастье — и уход в тревожно-красное ничто. И спо-
ва — уход. И снова...

И измученное ночным кошмаром, такое вдруг поста-
ршее, залитое слезами лицо тогдашней Риты — се-
годня. Вышел экран, утратил свои нежные бело-голу-
бые краски, посерел. Ушел, рухнул мир, вернулась вой-
на.

Но уже мы слегка настораживаемся, когда снова плы-
вут черно-белые очертания, и уже — в некоей ложно
поэтической манере — начинаются воспоминания Жень
Комельковой. Здесь прямо-таки эскапада танцев, лоша-
дей, тиров, снегов и побережий, и загадочно готических
башен — весь антураж.

В той же тональности — прошлое Лизы Бричкиной.
Мы уже знаем: каждой героине придан свой герой. Эта
арифметика быстро приедается. А ведь в повести у Ли-
зы — не столько явление кумира, сколько одиночество
лесного життя, тяжкая болезнь матери, ежедневный из-
нурительный труд. И уж совсем не повезло Гале Чет-
вертак с ее собственным, маленьким «Цирком», где она
— в роли Любови Орловой, что «из пушки в небо уш-
ла»...

В картине идет внутренний спор о небывалости —
как ее передать, чтобы поверили? И побеждает фильм
не там, где он «приподнимает», но там, где прост, где объ-
ясняет необыкновенное с точки зрения самого обычного.

Поэтому речь здесь не о недостатках, но именно
об издержках спора...